

И.В. Октябрьская ✉, **С.В. Анцифиров**
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: siem405@yandex.ru

Старожильческое село Кошкуль: этноконфессиональная история

Данное исследование реализовано в рамках долговременной программы подготовки серии изданий, посвященных истории и культуре полиэтничного сообщества Новосибирской обл. в процессе его становления и развития. Программа поддержана министерством региональной политики Новосибирской обл. и осуществляется на основе взаимодействия с муниципальными музеями, архивами и краеведческими структурами. Содержание работ определяют архивные и экспедиционные этнографические практики. В фокусе исследований 2022 г. находится старожильческое с. Кошкуль (Троицкий сельский совет Чистоозерного р-на Новосибирской обл.), основанное в 1700 г. На примере истории села XVIII–XXI вв. прослеживаются механизмы формирования и трансформации локальных этноконфессиональных сообществ Западной Сибири. Рассматривается феномен «чалдонов». С опорой на системный подход, с использованием методов устной истории предпринимается анализ состава старожил микрорайона. В ходе исследования делается вывод о том, что старожильческое сообщество изначально имело сложный многокомпонентный характер. «Чалдонами» в с. Кошкуль обозначали представителей сообщества, имеющего старожильческую основу и полиэтничный состав, сформированный переселениями XVIII–XIX вв. Квазиэтноним «чалдоны» являлся формой презентации локального самосознания, которое не исключало этнической, региональной и национальной идентичности. Одним из факторов формирования локального самосознания являлась конкуренция по поводу ресурсов (свободных земель), участниками которой изначально были старожилы – чалдоны, кержаки (старообрядцы), позднее – российские переселенцы. Интеграция сибирских сельских сообществ в региональную, имперскую административную инфраструктуру и в сферу влияния Русской православной церкви на протяжении XIX в. нивелировало локальную идентичность. История XX в. – советская эпоха – актуализировала этнические и национальные ценности. За время своего существования Кошкуль переживал периоды расцвета и упадка. Сейчас это маленькая деревня с населением чуть более 100 человек и многовековым опытом адаптации к меняющимся условиям.

Ключевые слова: этноконфессиональная история Новосибирской обл., старожилы и переселенцы, Русская православная церковь, старообрядцы.

I.V. Oktyabrskaya ✉, **S.V. Anzifirov**
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: siem405@yandex.ru

The Old-Settler Village of Koshkul: An Ethnoconfessional History

This research was implemented as part of a long-term project aimed at preparation of a series of publications devoted to the history and culture of the multi-ethnic community of the Novosibirsk region in the process of its formation and development. The program is supported by the Ministry of Regional Policy of the Novosibirsk Region and is implemented on the basis of interaction with municipal museums, archives and local history structures. The content of the works is determined by archival and expeditionary ethnographic practices. The focus of research in 2022 was the old-settler village of Koshkul (Troitsky Village Council of the Chistoozerny district of the Novosibirsk region) founded in 1700. On the example of the history of the village of the 18th–21st centuries, the mechanisms of formation and transformation of local ethno-confessional communities of Western Siberia have been defined. The phenomenon of «chaldons» is considered. Based on a systematic approach and the methods of oral history, an analysis of the composition of the old-timer population of the studied region is undertaken. The study has shown

that the old-time community was complex and multicomponent initially. «Chaldons» in Koshkul denoted representatives of a community with an old-time basis and a multi-ethnic composition formed by the migrations of the 18th–19th centuries. The quasi-ethnonym «chaldons» was a form of presentation of local identity, which did not exclude ethnic, regional and national identity. One of the factors of the formation of local self-consciousness was the competition over resources (free lands), the participants of which were initially old-timers - chaldons, kerzhaks (old believers), later – Russian immigrants. The integration of Siberian rural communities into the regional, imperial administrative infrastructure and the sphere of influence of the Russian Orthodox Church during the 19th century leveled local identity. The history of the 20th century actualized ethnic and national values. Koshkul experienced periods of prosperity and decline throughout its history. At present, it is a small village with a population of just over 100 people, and centuries-old history of adapting to changing conditions.

Keywords: *ethnoconfessional history of the Novosibirsk region, old-timers and settlers, Russian Orthodox Church, old believers.*

В современной российской гуманитарной науке в особое направление выделяются региональные исследования. Данная работа выполнена в рамках программы изучения этноконфессиональной истории Новосибирской обл. Ее цель – воссоздать судьбу с. Кошкуль (Троицкий сельский совет Чистоозерного р-на Новосибирской обл.), выявив особенности самоопределения сибиряков-старожилов. Работа опирается на полевые изыскания авторов с использованием методов устной (повседневной) истории.

В ходе исследования удалось установить, что деревня Кошкуль возникла на берегу одноименного озера в 1700 г. и стала четвертой по старшинству после поселений Юдино, Канавы и Редкого. По преданию, они были основаны в конце XVII в. ссыльными казаками на землях, входивших в зону расселения барабинских татар. Полагают, что сюда были высланы из России участники первого стрелецкого восстания 1682 г. [Вялкова, 2017].

Издавна земли вокруг оз. Кошкуль были пригодны для животноводства, которое дополняли огородничество, охота и рыбалка. Когда-то в этих местах появились русские казаки: «Был такой первоходец – казак Кошка, к нему-то и стали подселяться остальные» (ПМА, 2022). С именем казака Кошки народная традиция связала название озера – вслед за гидронимом «присвоив» право на территорию. Существовали и другие истории, обыгрывающие название деревни. По одной из версий, в обозначении озера и поселения было использовано слово «кош», широко известное в южнорусских землях. Вероятно, восходящее к тюркской первооснове, в казачьей русской среде оно обозначало «общину, стан, поселение, угодья, пастбища» и проч. Перенос слова на сибирский ландшафт, вероятно, был частью стратегии адаптации пришлого населения к пространству, маркированному тюркскими гидронимами. В ходе освоения происходила реинтерпретация иноэтнической карты. Местные жители переводили название озера «Кошкуль» как «Овечье озеро», имея ввиду овечьи пастбища. В аутентичной татарской (тюркской) версии оно означало

«Птичье». Именно эта версия утвердилась, когда к 300-летию деревни был изготовлен юбилейный стенд. На нем значилось: Кошкуль («Птичье (Куш) озеро (куль)») 1700 г. основания (ПМА, 2022).

На рубеже XVII–XVIII вв. первопоселенцы Кошкуля осваивали ресурсы неизведанного края. Со временем линия домов, которую теперь называют «Старый Кошкуль», протянулась по краю озера, обогнув его дугой. Когда-то за ней располагалась еще одна улица; но следы ее поросли травой и память о бывлой застройке стерлась. Со временем на южном конце деревни, почти в полутора километрах от нее возник отдельный выселок – «Новый Кошкуль». Сохранилось предание, по которому Новый Кошкуль был основан сыном крепкого крестьянина, пожелавшим жениться на батрачке. В благословение от разгневанного отца он получил лишь топор. Этим топором стал рубить избу из дуба и в его дупле нашел клад, которого хватило на дом, работников, на скот и прочее обзаведение. К нему стали подселяться другие жители – «Вот и получилось, что в Старом Кошкуле – чалдоны, а в Новом Кошкуле – богачи» (ПМА, 2022).

В легендарной истории Кошкуля реальность корректировалась фольклорными мотивами. Документов, подтверждающих древность села, по мнению местных краеведов, не сохранилось. Возможно, это было связано с тем, что поселение неоднократно меняло административную принадлежность. Известно, что во второй половине XIX в. деревня (с постройкой церкви в 1881–1887 гг. – село) входила в Юдинскую вол., которая до 1876 г. относилась к Омскому, а с 1876 – к Тюкалинскому окр. Тобольской губ.; с 1887 г. – к Каинскому окр. Томской губ.

В 1887 г. Юдинская вол. насчитывала 49 деревень и 16 523 душ обоего пола. В 1895 г. в ее пределах переселенцами из Харьковской и Курской губ. была основана д. Троицк/Троицкое. С 1896 г. (в период массовых переселений) волость была разделена на две. Собственно, в Юдинской осталось Кошкульское сельское общество. В 1918 г. был организован Татарский у. Омской губ., куда вошла

Юдинская вол. В 1921 г. в составе уже Каинского у. она была переведена во вновь созданную Новониколаевскую губ. В 1923 г. административный центр Юдинской вол. был переведен в пос. Чистоозерное. Преобразования продолжались с созданием Сибирского края, затем в 1937 г. – Новосибирской обл.

Архив Юдинской вол., к которой долгое время относилась деревня/село, был, по рассказам старожилов, вывезен в г. Омск в 1920-е гг. Он занял «примерно два десятка саней». Грузившие архив мальчишки (ставшие к моменту рассказа стариками), якобы, своими глазами видели грамоты за подписью Петра I и другие бумаги, в которых за местными жителями закреплялись земля, право рыбной ловли и торговли. В дальнейшем следы этого архива, как полагают, затерялись (ПМА, 2022).

В результате часть событий из истории Кошкуля восстанавливается лишь на материалах устной традиции. Местные жители рассказывают, что первопоселенцами в здешних местах были казаки – выходцы с Дона. Это отразилось в их самоназвании: «Мы – чалдоны, а через поле в Троицком – хохлы». В объяснении этого имени жители Кошкуля предлагают разные версии: «челдон – человек с Дона», «чалдоны – люди с Чала и Дона» (ПМА, 2022).

В Западной Сибири были известны и другие «народные этимологии» этого имени: чалдоны/челдоны пили много чая; приехали на чалых лошадях; плыли на челнах/чалах/чалдонках; говорили, «чёкаяя» и т.д. При расхождении во взглядах сибиряков на происхождение квазиэтнонима «чалдоны» им обозначали «старинных людей». Однако некоторые сельчане – из тех, кто называл себя чалдонами, – приехали в Кошкуль уже в начале XX в. В документах они значились украинцами, что не мешало им называть себя «чалдонами»: «Старик говорил, что здесь мы чалдоны больше любим чай, а там, в Троицком – хохлы, они любят борщ» (ПМА, 2022). Для специалистов этимология слова «чалдоны» до настоящего времени оставалась неясной. Ее обсуждали с конца XIX в.: не исключали связи с гидронимами или топонимами; рассматривали монгольские и калмыцкие параллели (оценивали их как случайные); обсуждали исторические сюжеты и т. д. [Аникин, 2000; Бардина, 1995; Бережнова, 2008; Фурсова, 2002; и др.].

В развитии дискурса о чалдонах-старожилах заслуживают внимания исследования, посвященные отдельным группам населения Сибири XVI–XVII вв., среди которых выделяли челядников (от др. русс. «челядь» – рабы, слуги, домочадцы и проч.) – тех, кто находился в услужении и сопровождал местную знать. Согласно царским указам, на службу в сибирские города начала XVII в., кроме прочего, отправляли литву и шляхту, кото-

рых на местах верстали в дети боярские. С ними были челядники и гайдуки – их велено было верстать в конные казаки. Челядников еще в 1660-е гг. как особую группу упоминали в окладных книгах Енисейска, Томска, Мангазеи [Соколовский, 2000; Бережнова, 2008].

В XVIII в. после петровских реформ структура сибирского общества менялась; вслед за этим менялись таксоны, обозначающие его социальные страты. Исследователи полагают, что со временем слово «челядник» могло трансформироваться. Единичное существительное от «челеди» (один из них), по мнению М.Л. Бережновой, могло звучать как челедон – челдон/чалдон. Постепенно слово обрело дополнительные смыслы, подчеркивающими обособленность чалдонов. Так стали называть старожилов Сибири [Бережнова, 2008].

Безусловно, эта версия (как и другие) имеет гипотетический характер. Но на материалах истории с Кошкуль именно она представляет наибольший интерес. Здесь к чалдонам себя относят первопоселенцы Куликовские – возможно, выходцы из польско-литовской служилой знати. Подтверждением является история, которая передается в семье из поколения в поколение: «Дед Матей имел три сына, – рассказывает Ф.П. Куликовская. – Один сын правил в Молдавии, другой в Восточной Польше, в Литве и Латвии имел земли; а третьего сына дед отправил к русскому царю. И русский царь за непослушание сослал то ли самого этого сына, то ли уже его сына в Сибирь. В Кошкуле ему понравилось, тут он и остался. Жена у него была полячка, от нее было десять детей – пять выжило. Она умерла, и тут в Сибири Куликовский взял сибирячку, от той тоже было десять детей. И мы все знаем, что у нас две ветви – одна от польской жены, а другая – от русской. Я от русской ветви. И мы всегда знали про свой род, но при советской власти это не слишком удобно было». Подтверждением этой легендарной истории является родовая герб, якобы, присланный семье из Польши (ПМА, 2022).

Известно, что с чалдонами в Кошкуле соседствовали кержаки. Специалисты считают, что этот этноконфессиональный таксон возник от названия р. Керженец (левый приток Волги), где было много старообрядческих скитов. Кержаками старообрядцев называли на Русском Севере, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Вероятно, в Кошкуле когда-то проживали старообрядцы поморского согласия.

По рассказам стариков, за улицей Старого Кошкуля в давние времена тянулась цепочка заброшенных кержацких кладбищ. В настоящее время известен лишь один из таких участков – на северной оконечности села. Старожилы помнят, что еще в 1970-е гг. там отчетливо были видны несколько

могил, которые опахивали при сельхозработах; другие оказались под огородами. «Деревенские мальчишки, играя по окраинам, натыкались на черепа и приносили их домой. Мама увидела на колу череп и как закричит: “Быстро унесите и положите где взяли!” А те оправдывались тем, что черепа-то кержачские; не осознавали, что это их собственные предки» (ПМА, 2022).

Можно предположить, что кержаки первыми пришли в окрестности Кошкуля; с появлением казаков составили обособленную часть поселения; а позже переселились на новое место – в 1851 г. недалеко от Кошкуля появилась д. Заячья, до начала XX в. известная как поселение старообрядцев – поморов. Оба эти селения входила в Кошкульское сельское общество Юдинской вол.

Будучи едины на административном уровне, в повседневных практиках чалдоны и кержаки существовали обособлено. И сегодня жители Кошкуля, уже не вкладывая в слово «кержак» конфессиональные смыслы, используют его для обозначения скардного человека, живущего особняком. Чалдонами они обозначают представителей местного локального сообщества, имеющего старожильческую основу и полиэтничный состав, сформированный переселениями XVIII–XIX вв. (ПМА, 2022).

Известно, что до 1880-х гг. в Кошкуле не было церкви. И это, вероятно, соответствовало старообрядческому и, отчасти, казачьим традициям, в которых общинная жизнь и богослужебные практики могли реализоваться вне храмов. Во второй половине XIX в. (в пореформенный период) с появлением переселенцев религиозная жизнь в Кошкуле и окрестностях активизировалась. В 1881 г. здесь началась постройка православного храма. Он был заложен на возвышенности между Старым и Новым Кошкулем. В 1887 г. церковь во имя Казанской иконы Божьей матери была освящена. Ее описание, как и описание села, сохранилось благодаря трудам священника И. Голошубина. В справке, подготовленной для Омской епархии Русской православной церкви в 1914 г., он привел сведения о с. Кошкульском Томской губ. Каинского у. Юдинской вол., расположенном в 281 верстах от епархиального центра в г. Омске и в 25 верстах от волостного правления. Однопрестольная деревянная на каменном фундаменте церковь (с колокольней) была построена в нем усердием прихожан. К содержанию храма они относились заботливо. Особо чтимых икон в нем не было [Справочная книга, 1914, с. 498–500]. Приход объединял 7 селений; его население составляло 2 279 душ мужского пола и 2 317 душ женского пола и из них: в Кошкульском – 970 душ общего пола; в деревнях Заячьей (в 8 верстах) – 228 душ общего пола и в Троицкой (в 4 верстах) – 1 132 душ общего

пола и т.д. Население в основном относилось к старожилам; в Троицкой жили переселенцы из разных губерний России. Старообрядцы поморской секты были известны в 3 деревнях (включая Заячью) в количестве 280 чел. [Там же].

Зажиточные крестьяне Кошкуля сеяли хлеб от 20 до 40 дес., бедняки – от 1–5 дес. Молочное хозяйство велось удовлетворительно. Ярмарок в селе не было. В д. Заячьей имелись два кирпичных завода и две лавки. В Кошкуле – три мелочных лавки и казенная винная. За медицинской помощью прихожане обращались в Юдинское. В селе находилось министерское училище; в нем ежегодно обучали до 30 мальчиков и 10 девочек. По приходу в среднем за год совершали: 347 крещений, 73 брака и 193 погребения. Пасхальное хождение с иконами бывало в Кошкуле практически по всем домам. Крестные ходы на полях с молебнами проходили повсеместно. Съезжие праздники отмечали: в Троицкой – 8 ноября, в Кошкульском – 1 января, в Заячьей – 2 февраля и т.д. [Там же].

Информацию И. Голошубина подтверждают данные переписи 1916 г., согласно которым, Кошкуль состоял из 194 дворов и имел 920 чел. населения. Существенное влияние на его структуру оказало переселенческое движение в Сибири, усилившееся в 1890-е гг. с постройкой железной дороги. Накануне политических перемен Кошкуль был значительным по численности, многонаrodnым и социально стратифицированным поселением.

События революции и гражданской войны изменили привычный ход бытия. Окрестности Кошкуля стали зоной противостояния Красной армии и колчаковских частей. После установления Советской власти крестьянская жизнь в Кошкуле возвращалась в прежнее русло. По переписи 1926 г. здесь имелось 207 хозяйств и проживало 975 чел. В селе работали школа, маслозавод и торговая лавка; действовала ферма, основанная в 1924 г. в составе 30 хозяйств с населением в 90 чел.

Во времена коллективизации в этих местах были созданы два хозяйства – Новокошкульский колхоз «Веселое поле», в котором развивали овцеводство, и Старокошкульская с/х артель «Великий Октябрь», где разводили крупный рогатый скот. В 1930 г. был образован Троицкий сельский совет. В 1940 г. в него включили Кошкульский сельский совет с деревнями Старый и Новый Кошкуль*.

В 1920–1930-е гг. проводилась активная советизация сибирской деревни. Но несмотря на социальные и культурные перемены до 1941 г. в Кошкуле

---

*Эта структура сохранилась до настоящего времени – сегодня это муниципальное образование Троицкий сельсовет.

сохранялась церковь, и жители пытались восстановить ее деятельность. В 1938 г. местный церковный староста М.М. Беляев написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину с требованием вернуть храм, превращенный в склад для зерна, и исправить все разрушения. Переписка продолжилась на уровне Новосибирского областного и районного партийного и советского руководства. В итоге инициатор протеста не пострадал (М.М. Беляев дожил до глубокой старости); но и церковь не была спасена (ГАНУ, ф. Р-1418, оп. 1, д. 2). Ее разрушили в 1941 г. с началом войны. «Помню хорошо, как церковь ломали, – рассказывала Ф.П. Куликовская (1933 г.р.). – Нас не спрашивали. Пришли машины из райцентра. Ломали деревянные стены, грузили на машины и сразу же увозили в район, или еще куда. Дядя Тузов пришел с фронта на костылях, ему выдали те иконы, которые на материи были написаны, он их взял, отнес домой, там тетя Лена их вываривала, чтобы краска с них сошла и делала из них портки ребятишкам – девять детей у них было» (ПМА, 2022).

В 1930–1940-е гг. сибирская деревня, как и вся страна, переживала тяжелые времена. Похозяйственные книги с. Кошкуль 1940–1943 гг. (сохранившиеся в местном архиве) зафиксировали значительные потери, связанные с репрессиями и мобилизацией. В них были указаны 126 хозяйств и 461 жителей в Старом Кошкуле. Сократилось население Нового Кошкуля. Многие были арестованы, или переселены. К 1943 г. из Старого Кошкуля выбыло до четверти зарегистрированных хозяйств. К 1945 г. на фронтах Великой Отечественной войны погибли более 100 сельчан. Их фамилии скорбным списком были запечатлены на Монументе Памяти в районном центре Чистоозерное: Гостевы, Беляевы, Чардынцевы, Куликовские, Тихомандрицкий и др. (ПМА, 2022).

Накануне и в годы войны существенно изменился национальный состав села: из 461 чел. русских было 385, немцев – 39, украинцев – 37. По воспоминаниям стариков, здесь также проживала семья Имагава – из сахалинских японцев. Как рассказала Л.И. Гостева (1952 г.р.): «Всяких наций было много. Куликовские – поляки, они хоть и писались как русские, но мы все знали, что поляки, что выслали их сюда из Польши еще при царе. Дмитриевы – эстонцы, Гостевы – русские сибиряки, Райские и Бойкины – украинцы, Куцы тоже приехали с Украины, но уже позже в 1939-м. А вот Савельевы – те казаки. Еще были татары – шесть семей жило татарских. Но это уже попозже. Дружно жили очень. Когда наши соседи Кулагины в середине 1960-х уезжали на Кубань, мы все рыдали. И до сих пор с ними общаемся» (ПМА, 2022).

Общие беды, как и общие радости, сближали людей. Хотя представления о различиях сохранялись, окказионально принимая характер противостояния, которое актуализировало когда-то значимое разделение на старожилов и переселенцев, на чалдонов и «рассейских». «Дружно жили в самом селе, – объяснял ситуацию С.И. Ключкович (1964 г.р.), – а между селами драки были, что ты! Я из Ново-Песчаного, а жену здесь взял (в Кошкуле – Авт.). Вот она стоит – так я за нее и под нож ходил, и под топор, и не одно ребро у меня сломано, и прозвище-погоняло у меня самое первое было «Лом», потому что мне ломом зуб выбили. На машинах собирались – это 1976–1978 гг. Помню, дрались – так, что стенка на стенку на берегу озера. А кто побеждал? В конце побеждала всегда бутылка. И все-таки знали совесть в драке, если упадешь, пинать тебя никто не будет» (ПМА, 2022).

И хотя рецидивы социальной архаики периодически случались в с. Кошкуль на протяжении 1950–1970-х гг., оно развивалась, как и все сельские сообщества, по законам плановой экономики, ориентируясь на социалистические ценности советского государства. В 1950 г. хозяйства «Веселое поле» и «Великий Октябрь» объединились в колхоз им. Н.С. Хрущева, который позже был переименован в «Рассвет». В 1958 г. он вошел в колхоз им. С.М. Кирова, который существовал на протяжении многих десятилетий и, пережив сложные 1990-е гг., к настоящему времени превратился в ЗАО «Троицкое».

С 2000-х гг. началось возрождение традиций; но церковь в Кошкуле так и не была восстановлена. Хотя практически в каждом доме хранились иконы; и многие молились – кто ежедневно, а кто при случае; но никто не сожалел об отсутствии церкви. В других же селах Чистоозерного р-на храмы были восстановлены, или построены заново в 1990–2000-е гг. (ПМА, 2022).

Сегодня в Старом и Новом Кошкуле насчитывается уже совсем немного домов и 119 жителей. Сокращается население окрестных мест. В связи с этим в 2006 г. была упразднена д. Заячья. В Троицком сельсовете теперь числятся 3 поселения и 461 чел. Но за плечами этого сообщества более 300 лет существования, огромный опыт адаптации и межкультурных взаимодействий.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск: Наука, 2000. – 772 с.

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 224 с.

Бережнова М.Л. Вот повести минувших лет, или откуда пошли челдоны в земле сибирской. 2008 г. – URL: <http://ethnography.omsu.ru/page.php?id=1077> (дата обращения 30.09.2022).

Вялкова О. История деревень Чистоозерки // Народная летопись Новосибирской области. 2017 г. – URL: <http://www.letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=1039> (дата обращения 30.09.2022).

Соколовский И.Р. Некоторые источники формирования и численность «литвы» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: [б. и.], 2000. – Вып. 2. – С. 16–53.

Справочная книга Омской епархии. – Омск: Иртыш, 1914. – 1248 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск: Агро, 2002. – Ч. 1. – 288 с.

References

Anikin A.E. Ehtimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. Moskow, Novosibirsk, Nauka, 2000. 772 p. (In Russ.).

Bardina P.E. Byt russkikh sibiryakov Tomskogo kraja. Tomsk, Tomsk State Univ. Press, 1995. 224 p. (In Russ.).

Berezhnova M.L. Vot povesti minuvshikh let, ili otkuda poshli cheldony v zemle sibirskoi, 2008. URL: <http://ethnography.omsu.ru/page.php?id=1077> (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavjanskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhehtnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX–XX cc.). Novosibirsk: Agro, 2002. Pt. 1. 288 p. (In Russ.).

Sokolovskij I. R. Nekotorye istochniki formirovaniya i chislennost' «litvy» v Sibiri XVII c. In *Belorusy v Sibiri*, Novosibirsk, 2000. Iss. 2. P. 16–53 (In Russ.).

Spravochnaya kniga Omskoi eparkhii. Omsk: Irtysh, 1914. 1248 p. (In Russ.).

Vyalkova O. Istoriya dereven' Chistoozerki. In *Narodnaya letopis' Novosibirskoi oblasti*, 2017. URL: <http://www.letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=1039> (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Октябрьская И.В. <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>